

УДК 343.97

doi: 10.35750/2071-8284-2021-4-78-83

Илья Сергеевич Ильин

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-1362-0519>, isilyin@yandex.ru

*Управление МВД России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга
Российская Федерация, 195176, Санкт-Петербург, ул. Краснодонская, д. 14.*

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний проспект Васильевского острова, д. 57*

Демонстративно-протестная преступность: пределы криминологического анализа

Аннотация: Классический и сетевой протест всегда предполагают массовость. В связи с этим в исследовании протестных движений необходимо проанализировать: а) множество протестных акций; б) каждую отдельную протестную акцию в качестве проявления феномена коллективного поведения. При этом первый уровень имеет значение в контексте обеспечения репрезентативности второго типа исследования. Принципиально важно «коллективное действие» и «действие члена коллектива». Нормативная система всегда имеет дело с оценкой поведения конкретного лица, поэтому в поле зрения криминологии и уголовного права должны попадать не сами акции протеста, а поведение отдельных лиц в рамках этих акций.

В теоретическом анализе поведения отдельных участников массовых акций надо различать: а) действия, совершаемые во время массовой акции, и действия, обеспечивающие саму акцию протеста, которые могут совершаться как до неё, так и после; б) действия организаторов, вдохновителей, лидеров протестных акций и действия рядовых участников акции протеста; в) действия, связанные с организацией и участием в согласованных официальной властью массовых акциях и в несогласованных; г) действия правомерные и неправомерные, а среди последних – уголовно-противоправные и административно-противоправные; д) действия интеллектуальные, информационные и физические.

Для описания этих действий в работе предложено использовать термин «демонстративно-протестные преступления». Они: а) связаны со вполне определённой сферой общественных отношений, возникающих в процессе взаимодействия человека, общества и власти; б) проникнуты единством мотивационных факторов и характеристик личности участников; в) обладают общностью детерминационного комплекса и механизма совершения; г) имеют отчётливое обособление по месту и времени совершения; д) предполагают специфический вид и механизм осуществления профилактических мероприятий. Эти признаки позволяют рассматривать демонстративно-протестные преступления в качестве отдельного, самостоятельного вида преступности.

Ключевые слова: протест, массовость, индивидуальное поведение, коллективное поведение, протестное поведение, преступление, закон, протестные акции

Для цитирования: Ильин И. С. Демонстративно-протестная преступность: пределы криминологического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4 (92). – С. 78–83; doi: 10.35750/2071-8284-2021-4-78-83.

Ilya S. Ilyin

Can. Sci. (Jurid), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-1362-0519>, isilyin@yandex.ru

*Department of the MIA of the Russia in Krasnogvardeisky district, Saint Petersburg,
14, Krasnodonskaya str., Saint Petersburg, 195176, Russian Federation*

*Northwestern Institute of Management
of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration
57, Sredny prospect Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 199178, Russian Federation*

Demonstrative protest crime: the limits of criminological analysis

Abstract: Classical and network protest always assumes mass character. In this regard, the study of protest movements should assume: a) The analysis of many protest actions; b) the analysis of each individual protest action as a manifestation of the phenomenon of collective behavior. At the same time, the first level is important in the context of ensuring the representativeness of the second type of research. «Collective action» and «action of a team member» are fundamentally important. The regulatory system always deals with the assessment of the behavior of a particular person. In this regard, criminology and criminal law should not focus on the protest actions themselves, but on the behavior of individuals within the framework of these actions.

In the theoretical analysis of the behavior of these individual participants of mass actions, it is necessary to distinguish: a) actions performed during a mass action, and actions that ensure the protest action itself, which can be performed both before and after it; b) actions of organizers, inspirers, leaders of protest actions, and actions of ordinary participants of the protest action; c) actions related to the organization and participation in mass actions coordinated by the official authorities, and in those not coordinated by the official authorities; d) lawful actions and illegal actions, and among the latter - criminally illegal and administratively illegal; e) intellectual, informational actions, and physical actions.

To describe these actions, the article suggests using the term «demonstrative protest crimes». They are: a) associated with a well-defined sphere of public relations that arise in the process of interaction between a person, society and the authorities; b) they are imbued with the unity of motivational factors and the characteristics of the personality of the participants; c) they have a common determinative complex and a common mechanism for their commission; d) they have a distinct separation by the place and time of their commission; e) they assume a specific type and mechanism for the implementation of preventive measures. These signs allow us to consider demonstrative protest crimes as a separate, independent type of crime.

Keywords: protest, mass character, individual behavior, collective behavior, protest behavior, crime, law, protest actions

For citation: Ilyin I. S. Demonstrative protest crime: the limits of criminological analysis // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 4 (92). – P. 78–83; doi: 10.35750/2071-8284-2021-4-78-83.

Оценивая протестные движения (иерархично устроенные и сетевые) в рамках криминологической и правовой парадигмы, важно обратить внимание на одно значимое обстоятельство. Протестное движение, исходя из общего понимания этого явления и его научных определений, всегда предполагает некую массовость. Массовость не в смысле наличия массы протестных движений (что не исключается и даже предполагается), а в смысле того, что едва ли не каждая акция каждого движения, чтобы иметь эффект воздействия на власть и на общественное мнение, требует массы участников (в связи с чем оправдана и обоснована упомянутая выше связь права на протест не только с правом на свободу выражения мнений, но и с правом на свободу ассоциаций и публичных выступлений). В связи с этим анализ протестных движений должен предполагать анализ: а) множества протестных акций вне зависимости от того, под какими лозунгами они проходят и в каких формах осуществляются; б) каждой отдельной протестной акции в качестве проявления феномена коллективного поведения.

Это два принципиально различных уровня анализа. Причём первый, как представляется, несёт в себе немного ценной для криминологической науки информации. Он, безусловно, имеет значение для познания общего числа протестных акций, их идейного содержания, социального состава и т. д. Но его результаты могут

составить всего лишь социальный фон, на котором должно разворачиваться непосредственное криминологическое исследование каждой отдельной протестной акции. В криминологическом отношении этот уровень имеет значение лишь в контексте обеспечения репрезентативности исследования феномена коллективного поведения, которое, собственно, и должно стать объектом криминологического познания, разумеется, в той своей части, которая связана с общественно опасным поведением.

Коллективное поведение – крайне сложный объект, который привлек внимание социологов и криминологов в конце XIX столетия в связи с ширившимся рабочим и революционным движением. Концептуальные построения первых исследователей «толпы»¹ [1], не теряют своей актуальности и в наши дни [2, с. 5–11], хотя и не исчерпывают всех возможных вариантов описания и объяснения массового поведения². Не углубляясь сейчас в детальный анализ массового поведения, отметим, что, с точки зрения уголовного права и криминологии, толпа (масса) никогда не представляет собой ирраци-

¹ Тард Г. Преступления толпы / пер. И. Ф. Иорданского / под ред. А. И. Смирнова. – Казань: Казанский университет, 1893. – 44 с.

² Моисеев С. П. Природа и механизмы массового поведения: от классической социологии до современных теоретических моделей : дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 / Моисеев Станислав Павлович. – Москва, 2020. – 159 с.

ональное, бессознательное и бессубъектное образование, выполняющее одно деяние. Принципиально важно различать в данном случае «коллективное действие» и «действие члена коллектива». Нормативная система всегда имеет дело с оценкой поведения конкретного лица, тогда как социология исследует коллективное поведение как целое. В связи с этим в поле зрения криминологии и уголовного права должны попадать не сами акции протеста, а поведение отдельных лиц в рамках этих акций. Коллективное действие может быть исследовано криминологом только как пересечение, совпадение индивидуальных действий. Это обстоятельство учитывают и некоторые социологи, когда при определении основных индикаторов протестной активности той или иной социальной группы называют фактически индивидуальные характеристики её членов: осознанность протестных действий; частота участия в акциях; готовность нести самостоятельную ответственность; привлечение к протестной деятельности других; членство в институциональных образованиях; причина участия в акции протеста³.

Протест – это, как уже отмечалось, выражение интересов граждан, однако в силу самых различных причин принимающее не всегда адекватные формы, особенно по отношению власти. Исследователи признают, что неадекватность методов и средств выражения протестных настроений по отношению к разворачивающимся в российском обществе процессам стала едва ли не существенной чертой самого процесса. «Разброс здесь велик – от политического протеста в электоральном поведении граждан, выражающимся в голосовании против всех и абсентеизма в его классическом выражении, до открытого вооружённого противостояния с действующей политической властью, осуществляемого через регулярное применение идеологически мотивированного насилия как с одной, так и с другой стороны»⁴. Представляется, что именно эти «неадекватные», на языке права – «общественно опасные и противоправные» действия участни-

ков акций протеста и составляют предмет непосредственного криминологического анализа. Они же – предмет контроля и оценки со стороны уголовно-правовой системы общества (к пониманию этого обстоятельства государства, как известно, пришли не сразу) [3, с. 72–97; 4].

Ещё один важный для криминологии нюанс в познании протестных движений состоит в необходимости дифференцировать действия участников протеста. Здесь возможны несколько градаций:

– во-первых, это действия, совершаемые во время массовой акции, и действия, обеспечивающие саму акцию протеста, которые могут совершаться как до неё, так и после (например, организация акции протеста, призывы к ней, сокрытие лиц, совершивших противоправные действия во время протеста и т. д.);

– во-вторых, индивидуальные протестные действия участника протестного движения, совершаемые вне массовой акции (например, персональные голодовки, пикеты), и действия, совершаемые во время и на месте массовых протестных акций;

– в-третьих, это действия организаторов, вдохновителей, лидеров протестных акций, и действия рядовых участников акции протеста;

– в-четвертых, действия, связанные с организацией и участием в массовых акциях, согласованных официальной властью и в несогласованных;

– в-пятых, действия правомерные и неправомерные, а среди последних – уголовно-противоправные и административно-противоправные;

– в-шестых, это действия интеллектуальные, информационные, и действия физические.

С учётом проведённого исследования, отталкиваясь от типологии форм индивидуального приспособления и типологии протестных движений, полагаем возможным представить следующее видение массовых общественных акций в свете возможностей их криминологического анализа (см. табл. 1).

³ Гаранин О. Ю. Протестная активность молодёжи в условиях политической модернизации современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Гаранин Олег Юрьевич. – Краснодар, 2010. – С. 15.

⁴ Кутыгина Е. Н. Культура политического протеста : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Кутыгина Елена Николаевна. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 9.

Таблица 1

Типология массовых общественных акций и возможности криминологии

Идейная основа	Форма действий	Характеристика движения	Криминологический анализ
Антиправовая	Антиправовые	Антигосударственная, экстремистская преступность	Применим
Протестная	Правовые	Парламентская и непарламентская оппозиция, сетевой протест	Неприменим
Протестная	Неправовые		Применим
Правовая	Правовые	Проправительственные движения	Неприменим
Правовая	Неправовые		Применим

Информация в таблице свидетельствует, что в общем массиве деяний участников массовых общественных акций выделяется вполне самостоятельная группа опасных действий, которые могут совершаться участниками протестных движений и быть связаны с самими массовыми акциями. Для её обозначения наука не располагает в данный момент каким-либо специальным понятием. В качестве рабочего и вполне условного термина, полагаем, можно использовать в данном случае употреблённый ранее термин «демонстративно-протестные общественно опасные деяния». В зависимости от легитимности массовой акции, это могут быть деяния, совершаемые во время разрешённых массовых акций, и деяния, сопровождающие несогласованные акции. В зависимости от вида противоправности – уголовно-противоправные и административно-противоправные. По своим внутренним характеристикам эти деяния отличаются от экстремистских преступлений и преступлений, которые были названы нами «инструментально-протестными». По связи с идейной основой массовой акции они отличаются от деяний, совершаемых во время проправительственных выступлений.

Необходимость самостоятельного изучения демонстративно-протестных деяний не вызывает сомнений. Однако в методологическом и методическом отношениях возникает серьёзный вопрос о возможности единого, системного исследования всего комплекса таких деяний, учитывая, прежде всего, их различную отраслевую противоправность. Криминология всегда мыслилась как наука о преступности. Исследуемые же деяния включают в себя значительный массив административных правонарушений, а в ряде случаев совершаются во время выполнения таких правонарушений (когда речь идёт о преступлениях участников незаконных массовых публичных мероприятий).

Исследование административных правонарушений как массового явления и особого вида деликтности позиционируется в современной науке в качестве одной из задач административной деликтологии, которую воспринимают либо в качестве «самостоятельного направления административно-правовой науки»⁵, либо «новой отрасли юридического знания»⁶, либо «самостоятельной науки»⁷. Но наряду с этим административная деликтность изучается и специалистами в области криминологии⁸. Соотношение криминологии и административной деликтологии

представляет одну из значимых науковедческих проблем [5, с. 82–88; 6, с. 2–7]. Мы, разумеется, не можем на страницах настоящей работы вступать в детальное обсуждение вопроса о соотношении возможностей и установлении пределов административной деликтологии и криминологии в познании различных форм антиобщественного поведения. Обратим внимание только на два обстоятельства. Во-первых, криминология никогда не замыкалась исключительно на анализе преступлений, призывы и реальный опыт криминологического анализа опасных, но непреступных деяний сопровождали всю долгую историю её развития. И, во-вторых, криминология изучает непреступные деяния под своим собственным углом зрения, со своими целями. Как верно писал В. Н. Кудрявцев, «хотя в криминологической науке неоднократно отмечалось, что объектом внимания криминологов наряду с преступлениями являются иные правонарушения, тем не менее, подчёркивалось, что изучение других форм социальных отклонений осуществляется ими лишь для выявления закономерностей перерастания этих отклонений в преступное поведение»⁹. С учётом этих замечаний полагаем, что криминологический анализ единого массива общественно опасных и противоправных деяний, которые совершаются во время протестных акций, методологически допустим и оправдан с теоретико-прикладной точки зрения¹⁰.

Такая «демонстративно-протестная деликтность» представляет собой вполне самостоятельный криминологический объект. Зная отмеченные особенности различных видов противоправности, составляющих её деяний, полагаем, что в исследовательских целях вполне допустимо (с известными условиями и оговорками) говорить о ней как о проявлении преступности. В связи с этим требует обсуждения вопрос, могут ли рассматриваемые деяния позиционироваться в качестве отдельного вида преступности.

Проблема криминологической классификации преступлений и обособления отдельных видов преступности не может считаться в науке решённой [7, с. 9–13], равно как не решён окончательно вопрос о структурировании криминологического научного знания [8, с. 25–29]. Однако, учитывая высказанные в литературе суждения об основаниях и критериях, наличие которых может обосновать вычленение из общего массива преступлений отдельной группы в

⁵ Гензюк Э. Е. Административная деликтология : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Гензюк Эдуард Ефимович. – Москва, 2001. – С. 12.

⁶ Никулин М. И. Проблемы науки административной деликтологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Никулин Михаил Иванович. – Москва, 2005. – С. 12–13.

⁷ Мышляев Н. П. Теоретические и прикладные основы административной деликтологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Мышляев Николай Прокофьевич. – Москва, 2004. – С. 11.

⁸ Жигарев Е. С. Криминологические проблемы административно-деликтольного поведения несовершеннолетних: теория и практика (по материалам города Москвы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Жигарев Евгений

Семенович. – Москва, 1993. – 32 с.; Лозбяков В. П. Криминологические основы административно-юрисдикционной деятельности российской милиции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Лозбяков Виктор Павлович. – Москва, 1996. – 40 с.

⁹ Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. – Москва: Юридическая литература, 1985. – С. 253.

¹⁰ Фатеев А.Н. Домашнее насилие: опыт криминологического исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Фатеев Александр Николаевич. – Москва, 2006. – 19 с.

качестве самостоятельного объекта криминологического познания, мы можем заключить, что демонстративно-протестные преступления: а) связаны со вполне определённой сферой общественных отношений, возникающих в процессе взаимодействия человека, общества и власти; б) проникнуты единством мотивационных факторов и характеристики личности участников; в) обладают общностью детерминационного комплекса и механизма совершения; г) имеют отчётливое обособление по месту и времени совершения; д) предполагают специфический вид и механизм осуществления профилактических мероприятий. Эти факторы позволяют признать, что выделенная нами для криминологического анализа группа преступлений вполне может рассматриваться в качестве отдельного, самостоятельного вида преступности, несводимого к иным видам преступного поведения, хотя, разумеется, и обнаруживающего с ним отчётливые криминологические связи.

Исследование вопроса об особенностях и основных характеристиках протеста и протестных движений, выступая необходимой методологической предпосылкой определения программы и пределов их криминологического анализа, позволяет сформулировать некоторые общие выводы, значимые для продолжения нашего исследования:

– протестные движения (как направленные против реализуемой государством политики, так и выражающие несогласие с оппозиционным взглядом на власть) являются объективным и естественным проявлением демократических начал взаимодействия личности, общества и государства; но в то же время они выступают социальным (социально-политическим, социально-правовым, социально-психологическим) феноменом, который имеет собственное криминологическое измерение;

– криминологический анализ протестных движений требует прежде всего определения объекта познания, в качестве которого выступает совокупность преступлений и иных правонарушений, совершаемых участниками массовых публичных мероприятий с целью демонстрации протестных настроений; эти деяния принципиально отличаются от «культурно-протестных» и «инструментально-протестных» преступлений по мотивации, утверждаемым целям, соотношению цели и средств действий субъекта;

– особенности «демонстративно-протестных» преступлений, позволяющие оценить их в качестве самостоятельного объекта криминологического анализа, заключаются в их тесной связи с коллективным поведением. Связь эта характеризуется сложным сочетанием позитивной мотивации коллективного протеста, правового содержания выражаемой протестующими идеи, правовых форм коллективного протеста, с одной стороны, и индивидуальных или групповых неправомερных действий участников про-

тестных акций, с другой. Познание этих связей, в рамках которых реализация права на протест перерастает в злоупотребление правом, а борьба за оптимизацию политики – в политическое насилие, позитивные действия перерастают в неправомερные, административные правонарушения – в преступления, индивидуальные эксцессы – в массовое явление, составляет значимую и актуальную задачу современной криминологической науки.

В завершение ещё один важный момент, значимый для определения границ предстоящего исследования. Протестные акции и сопровождаемые их демонстративно-протестные преступления закономерно влекут за собой развёртывание широкой предупредительной программы действий прежде всего со стороны государства. Такая программа включает в себя комплекс мероприятий, среди которых особое место и значение приобретают действия сотрудников правоохранительных органов по обеспечению общественного порядка во время протестных акций.

Непосредственное (можно сказать, «контактное») взаимодействие правоохранительных сил и протестующих во время и на месте проведения протестной акции создаёт совершенно особую в криминологическом отношении ситуацию. Как бы ни оценивать действия протестующих и сотрудников правоохранительных сил, это взаимодействие всегда есть взаимодействие групп и лиц с диаметрально противоположными интересами, которое обладает высоким потенциалом криминогенности. Поведение сотрудников правоохранительных органов объективно составляет необходимый элемент самой протестной акции. Однако было бы верхом научной наивности полагать, что такое поведение всегда и исключительно имеет нейтральный или правоодобряемый характер. При этом собственно поведение сотрудников правоохранительных органов находится за рамками демонстративно-протестной преступности и не может рассматриваться в качестве её компонента. Однако в аспекте детерминации и профилактики этой преступности такое поведение имеет решающее значение.

Криминологическая связь поведения сотрудников правоохранительных сил и демонстративно-протестных преступлений всё ещё остаётся «белым пятном» в отечественной библиографии. Но поскольку связь эта имеет большое значение как для полноценного исследования самой демонстративно-протестной преступности, так и для разработки эффективных решений в области её предупреждения, последующий анализ криминологической характеристики демонстративно-протестной преступности и мер противодействия ей будет включать обращение к оценке поведения сотрудников правоохранительных органов.

Список литературы

1. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. А. Фридмана, Э. Пименовой. – 3-е изд. – Москва: Академический проект, 2015. – 340 с.
2. Окатов А. В. Теории коллективного поведения Г. Лебона и Г. Тарда в контексте современного гражданского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки. – 2016. – Т. 2. – Вып. 2 (6). – С. 5–11.
3. El-Enany N. Innocence Charged with Guilt / The Criminalisation of Protest from Peterloo to Millbank, 2013. – P. 72–97. doi: 10.1007 / 978-1-137-30553-4_5
4. Pritchard D. and Pakes F. (eds.). Riot, Unrest and Protest on the Global Stage. Basingstoke, Hampshire. Palgrave Macmillan // Howard's Journal of Crime and Justice. 2016. – 55 (1-2). – С. 262–263. doi: 10.1111 / hojo.6_12168.
5. Дерюга А. Н. О соотношении административной деликтологии и криминологии // Журнал российского права. – 2011. – № 2. – С. 82–88.
6. Денисенко В. В. Деликтология: от конфронтации к интеграции административной деликтологии и криминологии // Административное право и процесс. – 2011. – № 6. – С. 2–7.
7. Новикова Ю. В. К вопросу о криминологической классификации преступности (преступлений) // Вестник института: преступление, наказание исправление. – 2012. – № 3 (19). – С. 9–13.
8. Кабанов П. А. Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксономические единицы и основания их группировки // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2007. – № 1-2. – С. 25–29.
9. Шлыкова Е. В. Потенциал протестной активности молодежи в условиях риска: анализ случая // Вестник Института социологии. – 2015. – № 2 (13). – С. 117–136.
10. Ефанова Е. В. Политический экстремизм и протестная активность молодежи России // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011. – № 19 (114). – Вып. 20. – С. 234–238.
11. Ксенофонтова И. В. Роль интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 3 (109). – С. 114–117.
12. Трыннов Д. В., Дидковская Я. В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – № 2019. – № 3 (191). – С. 118–127.
13. Римский Владимир. Общественная активность российских граждан // Вестник общественного мнения. – 2007. – № 2 (88). – С. 20–24.

References

1. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass / per. s fr. A. Fridmana, E. Pimenovoy. – 3-ye izd. – Moskva: Akademicheskij proyekt, 2015. – 340 s.
2. Okatov A. V. Teorii kolektivnogo povedeniya G. Lebona i G. Tarda v kontekste sovremennogo grazhdanskogo obshchestva // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Obshchestvennyye nauki. – 2016. – T. 2. – Vyp. 2 (6). – S. 5–11.
3. El-Enany N. Innocence Charged with Guilt / The Criminalisation of Protest from Peterloo to Millbank, 2013. – Pp. 72–97. doi: 10.1007 / 978-1-137-30553-4_5.
4. Pritchard D., Pakes F. (eds.). Riot, Unrest and Protest on the Global Stage. Basingstoke, Hampshire. Palgrave Macmillan // Howard's Journal of Crime and Justice. 2016. – 55 (1-2). – С. 262–263. doi: 10.1111 / hojo.6_12168
5. Deryuga A. N. O sootnoshenii administrativnoy deliktologii i kriminologii // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2011. – № 2. – S. 82–88.
6. Denisenko V. V. Deliktologiya: ot konfrontatsii k integratsii administrativnoy deliktologii i kriminologii // Administrativnoye pravo i protsess. – 2011. – № 6. – S. 2–7.
7. Novikova Yu. V. K voprosu o kriminologicheskoy klassifikatsii prestupnosti (prestupleniy) // Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye ispravleniye. – 2012. – № 3 (19). – S. 9–13.
8. Kabanov P. A. Kriminologicheskaya taksonomiya: ponyatiye, sodержaniye, taksonomicheskiye yedinitsey i osnovaniya ikh gruppировki // Kriminologicheskij zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2007. – № 1-2. – S. 25–29.
9. Shlykova Ye. V. Potentsial protestnoy aktivnosti molodozhi v usloviyakh riska: analiz sluchaya // Vestnik Instituta sotsiologii. – 2015. – № 2 (13). – S. 117–136.
10. Yefanova Ye. V. Politicheskij ekstremizm i protestnaya aktivnost' molodozhi Rossii // Nauchnyye vedomosti. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. – 2011. – № 19 (114). – Vyp. 20. – S. 234–238.
11. Ksenofontova I. V. Rol' interneta v razvitii protestnogo dvizheniya // monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny. – 2012. – № 3 (109). – S. 114–117.
12. Trynov D. V., Didkovskaya Ya. V. Novaya protestnaya molodozh': samoidentifikatsiya, sotsial'noye samochuvstviye i obraz budushchego // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki. – № 2019. – № 3 (191). – S. 118–127.
13. Rimskiy Vladimir. Obshchestvennaya aktivnost' rossiyskikh grazhdan // Vestnik obshchestvennogo mneniya. – 2007. – № 2 (88). – S. 20–24.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 01.11.2021; принята к публикации 01.12.2021.

The article was submitted September 30, 2021; approved after reviewing November 01, 2021; accepted for publication December 01, 2021.